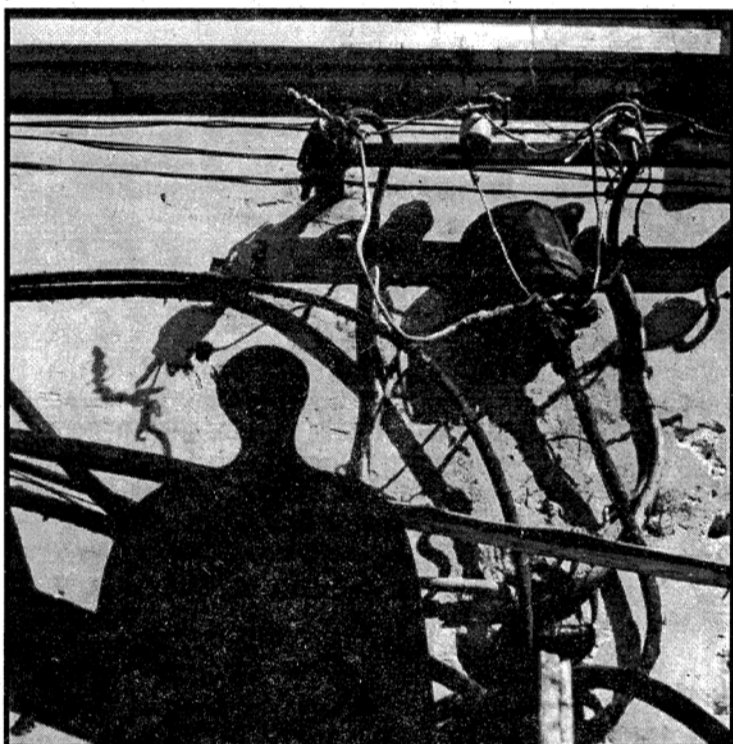
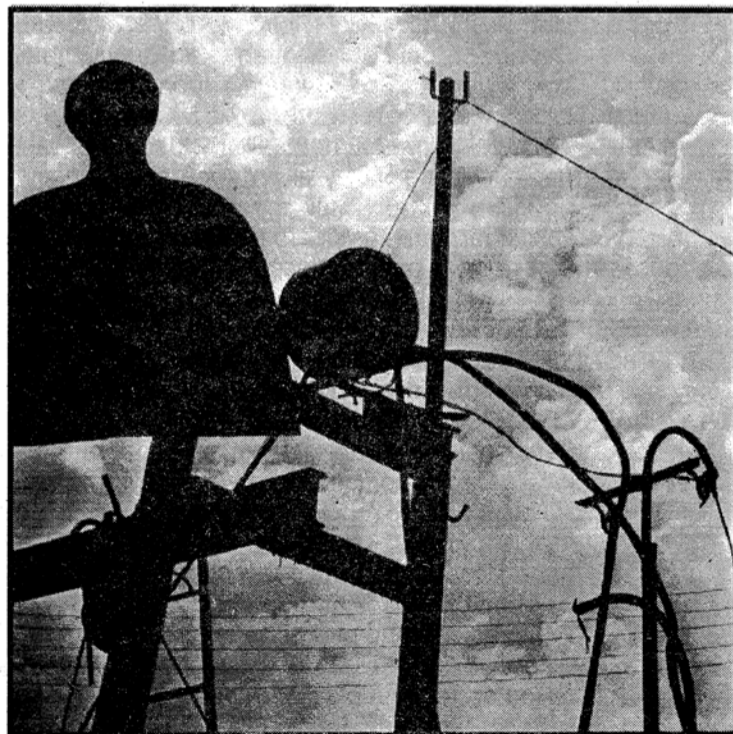

Михаил Ладейщиков. Из серии "Иван Петрович", 1988.

Михаил Ладейщиков. Из серии "Иван Петрович", 1988.

Михаил Ладейщиков. Из серии "Иван Петрович", 1988.

Во дворе хрипло брехали собаки-убийцы.
 Пробило полночь.
 В соседней комнате со спящим Хрюковым раздался треск паркета. То пробиралась к ничего не подозревающему миллионеру чета Бабкиных, Григорий и Надечка.
 - Тише,- попросил Григорий Бабкин, когда паркет под Надечкой особенно взвизгнул.
 - Хорошо,- ответила Надечка, осторожно прикручивая к револьверу глушитель.
 На тревожный взвизг паркета Хрюков сладко потянулся под черным одеялом.
 - Ма-ма!- прошептали его полные губы, слегка испачканные куриным жиром.
 Несмотря на всю чудовищную испорченность Хрюкова, ему снилась мама.
 - Ишь, маму зовет!- улыбнулся Григорий, переступая порог комнаты Хрюкова.
 Супруги подошли к самой постели Павла Семеновича.
 Григорий направил дуло автомата в седой висок Хрюкова. Надежда же приставила пистолет с глушителем к сердцу куриного магната.
 - Именем "Красных бригад",- хотела отчеканить Надечка,- вы приговариваетесь к расстрелу!
 - Но сначала вы отдадите нам свои миллионы долларов!- хотел чеканно добавить предусмотрительный Григорий.
 Но... тут во всех комнатах хрюковского дворца вспыхнул ослепительно яркий свет. Мумия черного кота завертелась волчком, теряя контуры, и, спустя пару секунд, растворилась в воздухе решительно без следа.
 Тринадцать черных свечей превратились в три белых свечи и три белых же голубя. Голуби радостно защелкали крыльями. Две птицы вылетели в само-собой распахнувшееся окно, а одна, самая белая, закружила над Надечкой.
 Но что это?
 Вместо автомата Григорий держал в своих руках оливковую ветвь. Надечка же ласково прижимала к себе белоснежную голубку.
 И тут наконец-таки проснулся Павел Семенович Хрюков.
 - Надечка! Гришутка!- воскликнул он и слезы радости бриллиантами вспыхнули на его ресницах.- Детишки мои! Нашлись!
 - Папа! Папа!- в веселом безумии закричали Надечка с Гришей, и кинулись к отцу на шею.
 - Но почему ты Хрюков, а мы Бабкины?- спросила Надечка после вспышки первой радости.
 - Дело в том, дети мои,- ответил Хрюков,- что вы унаследовали фамилию нашей знаменитой бабушки-балерины, Елизаветы Петровны Бабкиной, примы Большого императорского театра. Такова была ее последняя воля.
 Голубка из рук Надечки вспорхнула, взяла в клювик у Гриши оливковую ветвь и села подле белого трехсвечника, ярко горящего и упоительно благоухающего.
 - Дети мои, смотрите!- воскликнул Хрюков, и указал на окно. Действительно, картина была поразительная! Во дворе пархали сотни изумрудных бабочек.
 - Это бывшие собаки-убийцы?- догадался Григорий Бабкин.
 - Да, детки мои, да,- смахнул слезу умиления Павел Семенович Хрюков.

5.
 - Хо-хо-хо!- хохотал сатана, трепля своего племянника за давно уже небритую щеку.- Ловкий ты, браток!
 - Старался, дядечка!- ответил черт.
 Отсмеявшись, сатана погрузнел.
 - В будущем немного сдерживай себя,- посоветовал рогатый старик.- Они, ведь, люди, знаешь, такие... беззащитные, что ли... Вроде бы немного и жаль их.

Эпилог
 После случившегося, Павел Семенович Хрюков продал свой дворец и сотни тонн куриных окорочков, а вырученные деньги перевел на счет Калужского детского приюта.
 Счастливо разрешилось маленькое недоразумение между супругами Бабкиными, они ведь оказались братом и сестрой. Но Хрюков им объяснил, что они дети от совершенно разных браков, поэтому никакого кровосмешения не произошло.
 Спустя год Павел Семенович стал удачливым торговым агентом в одной благотворительной организации, призирающей российских старушек. В эту же фирму Хрюков по-отечески устроил и Надю с Гришей. И, по нашим сведениям, дружная чета Бабкиных вполне довольна своей ответственной, хотя надо признать, и не совсем денежной, работой.